

© 2001 г.

И.Е. ЛЕВЧЕНКО

ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОЙ СМЕРТИ

ЛЕВЧЕНКО Илья Евгеньевич - кандидат философских наук, научный сотрудник кафедры социологии Уральского государственного педагогического университета.

Жизнь складывается из взаимодействий людей друг с другом. Благодаря этому и возникает собственно социальность как таковая. Процесс бытия индивида включает разные этапы: человек проходит свой путь "от рассвета до заката", то открывая тайны социальной действительности и включаясь в нее, то пребывая в пассивности, отрешенности от окружающей реальности. Подчас в результате действия определенных причин личность может рухнуть в социальную пропасть вместе с остальными членами общности, либо, наоборот, преодолев влияние негативных жизненных обстоятельств, занять достойное место среди современников. Разобраться в круговоротах жизни социальных субъектов, переживающих не одно, а множество "умираний" и "возрождений", может помочь анализ феномена социальной смерти.

Одну из первых психолого-социологических интерпретаций этого явления принял Г. Тард. Он подчеркивал его процессуальный характер: "...социальная смерть, так же как и социальное рождение, не происходит в сколько-нибудь определенный срок. Они растягиваются на длинные периоды времени" [1]. Дж. Морено считал, что феномен социальной смерти индивида возникает вследствие его неспособности заменить выбывшие элементы "социального атома" - ближайшего окружения личности - родственников, одноклассников, сослуживцев и т.п. [см.: 2]. По его мнению, социальная смерть способствует преждевременной старости, болезням и физической смерти.

Полагаю, что данное явление имеет более сложную природу. Придерживаясь веберовских "идеальных типов" и опираясь на установки "метафорического" подхода, рассмотрим социальную смерть как процесс и результат самоустранения и/или исключения социального субъекта из жизни социума, в значительной степени детерминируемые его собственной культурой и состоянием социокультурного континуума.

К главным признакам социальной смерти можно отнести следующие:

- потеря свободы. В данном случае свобода выступает как полнота самореализации человека (отметим, что Р. Парк предлагал различать свободу: а) фундаментальную - беспрепятственного передвижения, позволяющую осваивать окружающий мир; б) конкуренции за место в экономике; в) политическую; г) самовыражения [см.: 3]);

- личная зависимость в условиях сословно-корпоративных структур рабовладельческого и феодального обществ;

- утрата социальной идентичности, ведущая к невозможности самоопределения индивида в социальном пространстве и выработке им поведенческих стратегий, необходимых для того, чтобы занять желаемую позицию (В.А. Ядов);

- отвержение субъектом норм, идеалов, ценностей (базовых, витальных, интеракционистских, социализационных, смысложизненных и др.);

- лишение или отказ от субъектности как возможности самостоятельного действовать в различных сферах общественной жизни;

- забвение как "перевод" ("переход") имени и образа субъекта из актуальной части культуры в потенциальную.

Социальная смерть как кратковременное или стабильное состояние может проявляться на разных уровнях социальной жизни. На микроуровне этот феномен - результат обрыва социальных связей между людьми, включенными в малые (референтные) группы. Например, наряду со смертью близких, описанной Дж. Морено, происходят иные жизненные драмы: отец, покинув семью и не поддерживая с ее членами никаких контактов, "выпадает" из их повседневной реальности; бойкот сослуживцами своего коллеги из-за неблагоприятного поступка ведет к постепенному "выдавливанию" последнего из коллектива и т.п.

На мезоуровне это явление указывает на отказ (недопущение) социального субъекта от участия в функционировании социальных институтов (государственных, муниципальных, общественных, политических и др.) или его "выход" из общностей (демографических, этнических, религиозных, профессиональных и др.). Чтобы понять специфику феномена на этом уровне, обратимся к эпизоду истории [см.: 4]. Бюрократический аппарат в Османской империи пополнялся главным образом двумя основными путями. Во-первых, чиновники передавали по наследству должности родственникам как своеобразную "эстафету". Во-вторых, за счет капькулу - "рабов султанского двора", либо из бывших военнопленных, попавших в плен в раннем возрасте, либо взятых по девширме. Девширме ("налог крови") представлял собой принудительный набор мальчиков, производившийся в ряде районов империи. Христианских детей в возрасте 7-12 лет отрывали от родной среды, обращали в ислам и отправляли на воспитание в мусульманские семьи. Затем их обучали в специальной школе, после чего они поступали на государственную или военную службу (из них формировались войска знаменитых янычар). В результате ребята утрачивали значительную часть первоначальных социальных (родственных, конфессиональных, этнокультурных и др.) связей. Государственная система посредством прямого насилия обрекала людей на социальную смерть для их прежних общностей.

На макроуровне социальная смерть выражается в неучастии субъекта в общественной жизни социума, в эскапизме. Так, заключенные существенно ограничены в правах быть сопричастными идущим в обществе процессам. Обитатели монастырей удалены от суетности светского мира. Они берут на себя этические обязательства, которые определяются тремя принципами - повиновением, нестяжательством и безбрачием. Согласно историческим фактам, принятие монашеского сана происходило по двум главным причинам: а) принудительное пострижение - вне зависимости от воли и желания человека. В средневековье это нередко было вызвано политическими или экономическими обстоятельствами - попытками "гуманным" способом ликвидировать соперников в борьбе за власть или стремление родственников избежать раздела наследства, из-за чего молодых цветущих женщин и мужчин отправляли в монастыри; б) добровольный постриг, продиктованный целью посвятить жизнь Господу. Покидая общество, монахи и монашенки имели благоприятные возможности вступить на дорогу духовного обновления и нравственного самосовершенствования.

На мегауровне социальная смерть проявляется редко, когда социальные связи между субъектами практически отсутствуют. Это может быть вызвано добровольным отшельничеством или вынужденной "робинзонадой".

Индивид (группа) может благополучно здравствовать на любом из первых трех уровней (микро-, мезо-, макро-) социальной реальности и пребывать в состоянии социальной смерти в другом - в этом заключается парадоксальность рассматриваемого феномена, обусловленная противоречивостью самой человеческой жизни.

"Внешними" по отношению к социальному субъекту выступают ряд факторов, оказывающих влияние на возникновение и распространение феномена социальной смерти на разных уровнях: а) власть, предстающая как поле возможностей, создаваемое спонтанными соотношениями сил, и ведущая к расширению круга применения дисциплинарных практик (М. Фуко); б) деятельность репрессивного политического режима; в) экстремальные ситуации (природные катаклизмы, катастрофы, войны, восстания, революции и т.п.); г) система социальной стратификации социума, закрепляющая и расширяющая круг людей у подножия социальной пирамиды; д) экстенсификация и интенсификация нисходящей социальной мобильности в обществе, маргинализирующая и люмпенизирующая индивидов и социальные общности; е) социальная депривация; ж) неудовлетворительное состояние гуманитарной среды - совокупности личностных и вещественных элементов, окружающих социальный субъект и влияющих на процесс его социализации и индивидуализации; з) аномия; и) нетерпимость общественного мнения, проявляющаяся в стигматизации индивидов или социальных групп позорными ярлыками и способная привести к изоляции субъекта и др.

Важно учитывать моменты, связанные с сущностными характеристиками самого социального субъекта и способные инициировать его социальную смерть. Наиболее значимы среди них: 1) плохое социальное самочувствие; 2) недостаток или истощение "капиталов" (П. Бурдьё); 3) статусная рассогласованность как расхождения, несоответствия, диспропорции между социальным и личным, аскриптивным и достигнутым статусами субъекта; 4) внутриролевые и межролевые конфликты, порождающие острые кризисы во взаимодействиях между личностями, общностями и институтами.

Социальная смерть может быть следствием психологического одиночества индивида. В качестве возможных причин этому укажу следующие: а) некоммуникабельность человека; б) отсутствие адекватного, по его мнению, социального окружения; в) его равнодушие к окружающему миру; г) социальная пассивность; д) неостребованность его умений и талантов; е) нарциссизм; ж) личный кризис [5] — поворотный момент в жизни человека, возникающий в результате невозможности быстро, привычными способами разрешить противоречие между уровнем зрелости индивида и социальными требованиями, предъявляемыми к нему на новом этапе развития.

Фактически, социальная смерть — отрезок на пути социализации личности. К искаженным формам социализации Э. Фромм относил мазохизм, садизм, деструкцию и конформизм. С точки зрения генезиса феномена социальной смерти наиболее показателен

тельно мазохизм и конформизм. Первый означает стремление к подчинению и отказу от "бремени свободы". Второй выражается в беспринципном приспособленчестве к социальному давлению, приводящему к отказу от собственного "Я". В итоге человек "избавляется" от субъектности, обезличивается.

Р. Мертон, рассматривая способы индивидуальной адаптации к структурной аномии, выделил ретризм - уход от жизни [6]. По его мнению, есть индивиды, которые, строго говоря, не находятся в обществе, не принадлежат ему. Они - подлинные "чужаки". Не разделяя общую ориентацию, они могут быть отнесены к числу членов данного общества чисто фиктивно. Психопаты, психоневротики, парии, отщепенцы, праздношатающиеся, бродяги, хронические алкоголики и наркоманы уходят от реального мира в свой мир болезненных переживаний. Эти люди отвергают общественно признанные цели и средства их достижения, вступают на путь асоциализации, приспособляясь к негативному, социально неприемлемому опыту, и десоциализации, утрачивая навыки социального поведения. Многие из них - жертвы социальной смерти.

Поступки людей оцениваются социумом сквозь призму их соответствия социальным нормам. Поэтому общественное мнение реагирует на девиантность - поведение, считающееся отклонением от социальных норм и влекущее применение социальных санкций - изоляцию, лечение, исправление и наказание нарушителя. Социальные нормы разнообразны. Они классифицируются по ряду оснований: 1) возникновение (естественные и искусственные); 2) сложность (элементарные и сложные); 3) степень формализации (явные и латентные); 4) жесткость требований (обязательные, рекомендуемые, допускаемые, одобряемые и др.); 5) универсальность действия (специфические и общезначимые); 6) сфера применения (правовые, нравственные, эстетические, политические и т.д) и др. Время действия социальных норм зависит от степени их укорененности в культуре, масштаба влияния на поведение членов общества и функционирование его институтов.

Социальные нормы могут нарушаться субъектом: а) целенаправленно (вплоть до преступного (делинквентного) поведения), б) непреднамеренно, когда "выход" за пределы социальных норм обусловлен его "инаковостью" - принадлежностью к другому типу культуры. Он играет не "по правилам", принятым в данном социуме, и лишь частично включается в его жизнь. Например, определенная часть мигрантов не в силах избавиться от маргинальности: не могут преодолеть языковой барьер, наладить полноценные контакты со старожилами, стать частью нового для них мира. Социальная смерть как драма полусостоявшейся, малоуспешной адаптации служит прологом преждевременного ухода из жизни вообще.

Трагедией для человека может стать предвзятое внимание со стороны общества к его телесности или "умонастроению". В последние годы в отечественной культуре и в официальных органах наметилась тенденция к уяснению сути проблем, с которыми сталкиваются люди с особыми потребностями. Их возможности ограничены из-за нарушений умственного развития, телосложения, функций организма или неблагоприятных условий среды [см.: 7].

Дело не только в номинации, но и в долговременной вытесненности десятков и сотен тысяч людей на периферию жизни "цивилизованных" обществ. Даже физическая "нетипичность" (не говоря об интеллектуальной) вызывала у тоталитарных режимов желание устранить ее. Они стремились заключать людей с особыми потребностями в ограниченные пространства специализированных учреждений. Лишая их публичности, "явленности" перед "полноценными" согражданами, радители "красоты" препятствовали формированию нормальных чувств сопереживания и навыков сожития у тех и у других. Принципиальной ошибкой нашей системы образования, которую не спешат исправить и сейчас, стало раздельное обучение "больных" и "здоровых". В конечном счете, дистанцированность социума от общности людей с особыми потребностями не только отравляет жизнь последних, но и способствует дегуманизации новых поколений. Отрадно, что достижения научно-технического прогресса последних десятилетий (в первую очередь, всемирная "паутина" - интернет, электронная почта и др.)

открыли для людей с особыми потребностями окно в мир, превратив их в участников общения в глобальной коммуникационной системе.

О росте толерантности в современном мире к различного рода девиациям свидетельствует более терпимое отношение к сексуальным меньшинствам. Специфика их социального статуса детерминирована демографической маргинальностью и особенностями отношения общества к "голубой" (*gay*) субкультуре. Стоит напомнить, что гомосексуальность и бисексуальность являлись элементами образа жизни некоторых древних обществ (например, обряды инициации, мужская дружба в Древней Греции и т.д.). Среди главных объективных социокультурных предпосылок для распространения этих явлений в наши дни остается существование множества закрытых социальных институтов (тюрьма, армия, церковь и др.). Сам характер их функционирования, жестко регламентирующий "однородность" круга взаимодействующих субъектов, создает почву для подобных феноменов. При этом положение членов групп сексуальных меньшинств внутри данных общественных образований обычно оказывается низким, их подвергают дискриминации.

Важно отдавать себе отчет в том, что частная жизнь индивидов, если она не нарушает ничьих прав, - их личное дело. Несправедливо подвергать наказаниям людей, выражать им презрение, ненависть за иной стиль поведения. Они не заслуживают того, чтобы общество (или его часть, пусть даже значительная) навязывало им свои стереотипы и лишало их субъектности, обрекая на социальную смерть.

Гораздо чаще, чем принадлежность к "голубой" культуре, причиной самоисключения (исключения) человека из общественной жизни, очевидно, служит так называемая культура бедности. Ряд социологов полагает [см.: 8], что носители этой культуры смиряются со своим низким уровнем жизни, отказываются от участия в институтах социума, не разделяют ценности, утверждаемые большинством, в их среде преобладают такие установки, как зависимость, униженное положение, беспомощность, слабая мотивация к труду, невысокая или почти нулевая достигательская культура, господствующая ориентация — презентизм ("живи сегодняшним днем") и т.д. Культура бедности, как и разорение, утрата собственности и безработица предрасполагают к возникновению экономической смерти — инвариант социальной смерти.

Другая разновидность феномена социальной смерти - гражданская смерть. Ретроспективный взгляд в историю показывает: в эпоху античности основанием для получения прав гражданства являлись обладание земельной собственностью и происхождение, обеспечивающее принадлежность к определенной социальной общности (семье, роду, территориально-административной единице и т.п.). Важнейшие черты гражданства включали: присвоение имени, воинскую повинность, право голоса в народном собрании, избирательное право, право обжалования судебного приговора и др. Следовательно, к числу неполноправных граждан относились молодые мужчины, не достигшие определенного возраста (чаще - 30 лет), женщины, малоимущие и чужестранцы. За "скобками" гражданского состояния оказывались те, кто находился в рабстве - самой тяжелой и унижительной из всех форм угнетения и эксплуатации человека человеком. Издревле раба можно было кастрировать, отдавать внаем в публичный дом, распоряжаться его жизнью и проч. [9], то есть господство прежде всего устанавливалось над его телом. Источниками рабства служили захват военнопленных, пиратство, долговые обязательства и др. Порабощение всегда акт голого насилия, произвола над личностью. Его существование не закончилось в древности, оно продолжалось в средние века (особенно у арабов и турок) и новое время (так, рабство было окончательно упразднено в США лишь в 1865 г.). Пережитки рабства встречаются и на пороге двадцать первого столетия - например, на территории Чечни.

В России, как и на Западе столетиями действовал специфический феодальный институт - крепостничество. Закрепощение российского крестьянина было многофакторным явлением, определявшимся комплексом социально-экономических, внутрисполитических и социокультурных причин [см.: 10]. Ужесточение внеэкономического принуждения и как его конечный результат юридическое санкционирование крепостного

права были закреплены в середине XVII века законодательными постановлениями. Подчеркнем, что крестьянство в правовом плане никогда не представляло собой однообразную массу. По отношению к крепостной зависимости внутри него выделяются несколько социальных страт. Например, в отличие от государственных крестьян, сохранивших известную личную свободу и некоторые права, помещичьи крестьяне были лишены и этого. Согласно принятым нормам, без особых разрешений владельцев они не могли уходить из деревень на заработки (1724 г.), брать откупа и подряды (1731 г.), совершать финансовые сделки (1761 г.) и др. В 1741 г. правительство отстранило их от принесения присяги при престолонаследии. В 1760-е гг. помещики получили право по своему усмотрению освобождаться от "беспокойных" крестьян посредством ссылки их в Сибирь в административном порядке; последним было запрещено приносить жалобы на владельцев.

Спасаясь от крепостного ярма, тысячи крестьянских семей (особенно часто из западных губерний) переселялись в другие государства. М.В. Ломоносов в записке "О сохранении и размножении российского народа" назвал беглецов за рубеж "живыми покойниками" для родной страны. Спустя десятилетия в начале XIX в. великий отечественный реформатор М.М. Сперанский указывал: "...вместо всех пышных разделений свободного народа русского на свободнейшие классы дворянства, купечества и проч. я нахожу в России два состояния: рабы государевы и рабы помещичьи. Первые называются свободными только в отношении ко вторым, действительно же свободных людей в России нет, кроме нищих и философов" [11]. Реформа 1861 г. была назревшей мерой и безусловно стала вехой на пути формирования гражданского общества в нашей стране.

Феномен гражданской смерти напрямую связан и с наказанием нарушителей, преступников (делинквентов) - индивидов, преступивших установленную законом норму [12]. Преступник вступает в конфликт с государством, которое в ответ применит к нему негативные санкции, лишает его части прав или самой жизни. Правонарушитель, попавший на скамью подсудимых, как бы меняет ролями с потерпевшим: он становится объектом воздействия со стороны властных институтов, превращается в "заложника" служителей Фемиды. Его судьбой распоряжаются уполномоченные на то лица.

Правившая в России XVIII в. императрица Елизавета Петровна, побуждаемая чувством милосердия, повелела: преступников, подлежавших смертной казни по прежним законам за убийство, разбой и грабеж, наказывать вместо натуральной смерти "политическою". Виновного по объявлении смертного приговора клали на плаху, секли кнутом и ссылали в каторжные работы [13]. Одновременно дочь Петра Великого пошла на ужесточение внутренней политики, попирая права верующих [14]. В 1742 г. евреи были изгнаны из России (государыня писала, что не хочет "интересной прибыли от врагов Христовых"), иностранцев, принявших православие, не велено было выпускать за границу, в Казанской губернии не разрешалось более строить мечетей, армянам дозволено было иметь по одной церкви в каждой из столиц.

Пренебрежение к правам личности - давняя и гнусная традиция в истории становления гражданской культуры российского общества. Наиболее ярко это проявляется в почти трехвековой практике отдачи "проштрафившихся" в солдаты. Во времена Николая I это было "естественным" наказанием для крепостных и представителей привилегированных сословий (Тарас Шевченко, декабристы и др.). При Николае II эта участь была уготовлена студентам-"бунтовщикам". В наши дни есть немало молодых мужчин, не желающих служить в армии и не отстаивающих свое конституционное право на альтернативную службу законным путем, а прибегающих к разного рода "уловкам", в том числе к мнимой психической смерти. Армию часть общественного мнения уподобляет варианту социальной смерти. Такова печальная реальность.

Между тем, гражданство, указывая на правовую принадлежность лица к определенному государству, предусматривает совокупность прав и обязанностей и их

защиту внутри страны и за ее пределами [15]. Среди прав человека наиболее важны шесть групп: личные (гражданские), политические, экономические, социальные, культурные и экологические. Особо выделяется специфическая социально-правовая общность - апатриды - люди без гражданства. Статус апатридов установлен Лигой Наций после Первой мировой войны для беженцев. На них распространяются законы страны пребывания, но их правоспособность ограничена. Они не имеют избирательных и некоторых других прав, определенных обязанностей (например, служба в вооруженных силах), не пользуются дипломатической защитой государства [16].

К сожалению, иногда государственные и общественно-политические институты воздвигают "стены" полноправному участию индивидов и общностей в социальных процессах. Тысячи беженцев в России не могут добиться от столичных, региональных и местных властей права на упраздненную "прописку". Они "не существуют" для чиновников, они - "мертвые души" двадцать первого века. Они лишены многих гражданских прав, почти не оказывают влияния на политическую жизнь страны.

Феминистский и тендерный подходы позволяют по-новому подойти к вопросу о социальной смерти женщин. К. Милетт (США) утверждает [17], что постепенно сложилась патриархат ("власть отцов") - семейная, социальная, идеологическая и политическая система, в которой мужчины силой, прямым подавлением или через ритуалы, традиции, закон, язык, обычай, этикет, образование и разделение труда указывают, какую роль женщины должны или не должны играть, и в которой женское всегда подчинено мужскому. Подавление женщин проистекает не из биологического отличия, а из социального конструирования феминности. В процессе социализации женщины и девочки "ставятся" для принятия иерархии, разделяющей общество на мужскую и женскую сферы и относящей власть к мужской сфере.

Потребовалось время и усилия, чтобы женщины вышли из "тени мужчин" и перестали находиться в состоянии перманентной социальной "полусмерти". В начале XX в. начался процесс официальной ликвидации дискриминации женщин, наделения их личными, политическими, экономическими и другими правами в полном объеме. Но сохраняются проблемы, которые предстоит решать, чтобы формальное равенство женщин и мужчин в общественной жизни стало реальным. Многочисленные нарушения прав женщин и мужчин увеличивают риск широкого распространения феномена гражданской смерти в любом обществе в любой период его существования: будь ли то древневосточная деспотия или современная демократия. Количественный уровень "гражданской смертности" может служить объективным показателем степени несвободы личности в государстве.

Необходимо учитывать взаимосвязь между гражданской и политической смертью. Политическую жизнь формируют социальные субъекты, сознательно использующие власть для реализации политических интересов. Участие граждан в политической жизни происходит в разных формах (осуществление властных полномочий, обсуждение законопроектов, политического курса, электоральное поведение и т.п.) [18]. Устранение (самоустранение) личностей или групп от такого участия может рассматриваться как их политическая смерть.

В гражданской и политической культуре Древней Греции существовало уникальное средство доведения личности до состояния политической смерти на макроуровне — остракизм. Он был профилактической мерой для предотвращения тирании: лица, считавшиеся вероятными претендентами на захват власти, приговаривались к "почетному" изгнанию, но не лишались гражданских прав [19]. Для современных государственных деятелей и политических лидеров, задумывающихся о возможной политической смерти, поучительны эпизоды из истории Римейской державы. Там брэнность императорской власти проявлялась во всем - в том, что василевс, вступив на престол, обязан был выбрать мрамор для собственного саркофага; на церемониях он держал в руках не только державу - символ земного могущества, но и акакию — мешочек с пылью, напоминавший о мимолетности всего сущего и т.д. [см.; 20]. По свидетельству византийского историка М. Пселла, Михаил IV Пафлагонец "омывал запыленные ноги

(аскетам), а потом обнимал и сладко целовал, надевал на себя их рубище, посещая таких людей, припадал щекой к их язвам". В подобных действиях усматривается желание жить по евангельской заповеди: "Всякий возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя возвысится" (Лука, XIV: 11). Поэтому свергнутый император обычно уходил в монастырь, правящий же автократор перед смертью стремился к постригу.

Во все времена из активной общественной жизни исключали за совершение политических преступлений. В России XVII—XVIII вв. к ним относились восстания и заговоры против правительства, измена и шпионаж, самозванство, выступления с критикой правительственной политики и действий царя, членов царской семьи, представителей царской администрации, а также деяния, наносящие ущерб престижу царской власти: искажение царского титула, оскорбление царского изображения, неявка к присяге, отмена богослужений в дни царских тезоименитств и т.п. [21]. В качестве мер наказания предусматривались битье кнутом, плетями и батогами; вырезание ноздрей и урезание языка; ссылки на каторгу (вечную и срочную), в работы (на рудники, заводы, шахты), на поселение (в службу, на пашню, на вечное житье), в монастыри; смертная казнь [22].

Большевики, захватив власть, продолжили давнюю негативную тенденцию. Органы пролетарской диктатуры вели беспощадную борьбу против "врагов народа". Следователи НКВД изощренно истязали задержанных, получая признательные показания. "Праведный" суд приговаривал сотни тысяч невинных к поражению в правах (в результате появились так называемые "лишенцы"), к ссылке, многолетнему заключению в тюрьмы и лагеря, к расстрелу.

Все это осталось в прошлом нашей Родины. Вступив на путь созидания демократического общества и правового государства, Россия столкнулась с проблемой политической смерти в ином проявлении — политической иммобильностью - "закрытом" типе политического поведения [24], достаточно распространенном в развитых странах мира. Она включает, с одной стороны, невозможность реализации политического поведения в силу объективных (неразвитость) или субъективных ("выключенность" индивида, общности из общественной жизни) причин, с другой - политическую апатию, вызванную неприятием существующей политической системы или реальности. Инвариантом политической иммобильности выступает абсентеизм — неучастие людей в выборном процессе. Чаще всего абсентеизм обусловлен стойким неверием граждан в то, что с помощью выборов можно решить значимые вопросы, неверием в справедливость подсчета голосов и аллергией к политике [25]. Среди абсентеистов много представителей беднейших слоев населения, которых не интересует практически ничто, кроме выживания, и молодежи, равнодушной к делам "грязных политиканов". Повышение гражданской и политической культуры субъектов общественной жизни, преодоление их политической иммобильности и вовлечение в общественно-политическую деятельность, приносящую пользу людям, - залог сокращения числа политических смертей.

Парадоксальная грань феномена политической смерти заключается в том, что он - обязательный элемент развития социально-политических процессов. Политическая смерть может оказаться злом или благом для общества. "Халифы на час", "политические камикадзе", "политические марионетки", "политические банкроты", правители, политики, от которых отвернулись избиратели, - череда "бывших" - реальных и виртуальных - политических лидеров в прошлом и настоящем нескончаема. Не утихают споры о роли М.С. Горбачева в нашей истории. Он продолжает принимать активное участие в общественно-политической жизни страны. Б.Н. Ельцин реализовал намерение "...создать прецедент нормального, цивилизованного, спокойного ухода политика" [26]. Многим действующим политикам предстоит пережить политическую смерть.

Духовная смерть субъекта социума как отстраненность (самоотстраненность) от жизни общества, общности - представляет собой чрезвычайно сложное социокультурное явление. Для индивида такая "смерть-в-жизни" может стать печальным итогом его одинокого существования, причинами чего могут быть специфика характера

индивида, обстоятельства бытия. Духовная смерть, вызванная любовными страданиями, - частое явление на жизненном пути людей. Положительным моментом в несчастной любви служит сам процесс переживания глубоких чувств. Поэтому для отвергнутых итогом этого испытания становится обновление души, а не ее смерть. Духовная смерть индивида (группы) на микро-, мезо- и макроуровнях может быть обусловлена акциями, предпринимаемыми религиозными институтами. Среди них отлучение от церкви [27], по которому член Церкви за тяжкое грехопадение или догматическое заблуждение исключается из состава церковного общества. Различают полное (великое, большое) отлучение (анафема), означающее низвержение грешника или еретика из среды верующих, и малое (врачевательное) отлучение, предполагающее отрешение верующего на время от, например, общения с верующими в молитве. Так, Русская Православная Церковь предала анафеме И.И. Болотникова, С.Т. Разина, Е.И. Пугачева, декабристов, Л.Н. Толстого и др. Анафематствование старообрядцев в XVII в. отменено лишь на Поместном соборе 1971 г.

Отлучение от церкви призвано очистить ряды клириков и паствы от инакомыслящих и не соблюдающих нормы поведения, предписанные религией. Церемония отлучения символизирует отмежевание Церкви от чуждых ей людей и осуждение совершенных ими поступков. В средневековье "проклятые" были обречены влачить существование в вакууме: социокультурная среда отторгала "инородных". Для преодоления духовной смерти, ради выживания они должны были объединяться с себе подобными и противостоять враждебному окружению, покидать родные места.

В Советском Союзе религиозный вопрос во время переписи населения 1937 г. породил немало семейных конфликтов: в опросном листе содержался вопрос об отношении к религии. В Свердловской области были случаи, когда матери проклинали сыновей за то, что они записывались неверующими, а некоторые жены заявили мужьям: "Если ты неверующий, то сейчас же уходи от меня, я больше с тобой не живу" [28]. Таким образом, отказ от веры (духовная смерть на мезоуровне) приводила к разрыву родственных и брачных связей (социальная смерть на микроуровне).

Вторжение тоталитарного государства в частную, семейную жизнь, идеологическая обработка населения опустошали внутренний мир людей, способствовали превращению их в бездушные "винтики" политической машины. Развернувшийся в западных обществах процесс массового индустриального и постиндустриального производства дал импульс к распространению типа индивида - "массового человека", в качестве обезличенного и бездумного потребителя благ цивилизации. С крахом советского режима и девальвацией коммунистических идеалов россияне столкнулись с "издержками" свободы, когда востребованы подлинная субъектность и ответственность за самостоятельно сделанный выбор. Многие соотечественники в попытке противостоять аномии обратились к Богу (хотя современное российское "религиозное возрождение" специфично), другая пребывает в бездуховности, иные - в атеизме. Только неустанная душевная работа сопереживания и сочувствия, практической помощи нуждающимся в этом людям позволяют избежать духовной смерти.

В человеческой жизни все взаимосвязано, поэтому "лики" социальной смерти - экономическая смерть, гражданская смерть, политическая смерть и духовная смерть - взаимообуславливают и инициируют появление друг друга. Выскажу предположение о наличии эффекта транзитивности у инвариантов социальной смерти. Социальную смерть следует рассматривать как своеобразный период бытия социального субъекта. В социально-исторической практике она выполняет различные функции: а) эскапистскую - "бегство" социального субъекта из какой-либо социальной общности или социального мира в целом; б) исключения - "выведение" индивида или социальной общности за пределы обычного течения "нормальной" жизни; в) репрессивную - наказание нарушителей социальных норм; г) устрашения - репрезентация силового потенциала социальных институтов; д) охранительную - обеспечение стабильности функционирования социума; е) профилактическую - "очищение" социальной среды от "чужеродных" элементов; ж) манипулятивную — антигуманное использование

людей, находящихся в специфическом состоянии, в узкокорыстных интересах; з) ритуальную - публичная демонстрация оригинальных процедур ("торговая", "гражданская", "политическая" и тому подобные казни); и) санкционирующую - возможность реализовывать определенные жизненные стратегии; к) регламентирующую - особые типы поведения социальных субъектов; л) эталонизирующую - образцы своеобразного существования людей - монашество, отшельничество и др.

Журнал "Социологические исследования" уделяет внимание таким формам социальной дезадаптации, как девиация, исключение, маргинальность [29] и др. На мой взгляд, и обозначенный выше подход может содействовать пониманию социума и социального поведения индивидов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тард Г. Социальная логика. СПб., 1996. С. 7.
2. Морено Дж. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе. М., 1958. С. 58.
3. Баньковская С.П. Ведущие теоретики Чикагской школы. Идеи и подходы / История теоретической социологии. В 4-х т. Т. 3. М., 1997. С. 128-129.
4. История средних веков / Под ред. Н.Ф. Колесниченко. М., 1986. С. 538.
5. Любьякин А.А. Кризиология личности / Социология: курс лекций для студентов педвуза / Под ред. Л.Я. Рубиной. Екатеринбург, 1999. С. 178.
6. Мершон Р. Социальная структура и аномия // Рубеж. 1992. № 2. С. 95.
7. Ярская-Смирнова Е.Р. Социокультурный анализ нетипичности. Саратов, 1997.
8. Томпсон Д.М., Пристли Д. Социология: Вводный курс. М. - Львов, 1998. С. 363-365.
9. Словарь античности. М., 1989. С. 474-475.
10. Александров В.А. Российское крестьянство в середине XVII - середине XIX в. / История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма: в 3-х т. Т. 3. М., 1986. С. 315.
11. Сперанский М.М. Проекты и записки. М. - Л., 1961. С. 43.
12. Ильин В.И. Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ. 1917-1996 гг. Опыт конструктивистско-структуралистского анализа. Сыктывкар, 1996. С. 73.
13. Устрялов Н.Г. Русская история до 1855 года. Петрозаводск, 1997. С. 569.
14. Андреев В.В. Представители власти в России после Петра I. Мн., 1990. С. 123.
15. Социологический энциклопедический словарь. М., 1998. С. 58.
16. Этнологический словарь. Вып. 1. Этнос. Нация. Общество. М., 1996. С. 14.
17. Милетт К. Теория сексуальной политики // Вопросы философии. 1994. № 9. С. 147-148.
18. Основы политической социологии. М.-Н. Новгород, 1998. С. 40, 69.
19. Андреев Ю.В. Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., 1998. С. 162.
20. Каждан А.П. Византийская культура (X-XII вв.). М., 1968. С. 85.
21. Голикова Н.Б. Органы политического сыска и их развитие в XVII-XVIII вв. / Абсолютизм в России. М., 1964. С. 243.
22. Переладов К.Г. Система политического сыска и политические узники в России (1725-1762). Дис. канд. ист. наук. Новосибирск, 1998. С. 218, 226-227.
23. Земсков В.Н. Спецпоселенцы (по документации НКВД-МВД СССР) // Социол. исслед. 1992. № 2. С. 10, 13.
24. Политическая теория и политическая практика. Словарь-справочник. М., 1994. С. 157.
25. Основы политической социологии. М.-Н. Новгород, 1998. С. 143-144.
26. Ельцин Б.Н. Записки президента. М., 1996. С. 395.
27. Анафема / Атеистический словарь. М., 1983. С. 18; Обновленский А.П. Отлучение / Христианство. Энциклопедический словарь: в 3-х т. Т. 2. М., 1995. С. 260-262.
28. Жиромская В.Б. Верующие и неверующие в 1937 г.: демографическая характеристика (всесоюзная перепись населения 1937 г.) / Население России и СССР: новые источники и методы исследования. Екатеринбург, 1993. С. 25.
29. Зубок Ю.А. Исключение в исследовании проблем молодежи // Социол. исслед. 1998, № 8; Попова И.П. Новые маргинальные группы в российском обществе // Там же. 1999, № 7 и др.